

ДУАЛИЗМ МОРЯ И СУШИ В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ И.Г. ГЕРДЕРА

© *Е.А. Тюгашев*

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
Новосибирск, Россия

Поступила в редакцию: 11.11.22

В окончательном варианте: 23.11.22

■ Для цитирования: Тюгашев Е.А. Дуализм моря и суши в философии истории И.Г. Гердера // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 4. С. 69–76. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.4.7>

Аннотация. Положение о дуализме суши и моря (континентально-океанической дихотомии) утвердилось в статусе основного закона геополитики. Как показывает проведенный анализ, описание этого дуализма имеет свою предысторию в философии истории И.Г. Гердера. И.Г. Гердер рассматривал Землю как «спор стихий, противодействие суши и моря». Согласно И.Г. Гердеру, островные и материковые общества существенно различаются во всех сферах общественной жизни. Эти различия обусловлены, по его мнению, тем, что стихия моря требует подвижности, а материк — неизменности. Поэтому в местообитаниях определенного типа кристаллизуются государства соответствующего типа.

Ключевые слова: геополитика; геополитический дуализм; географический детерминизм; Гердер; философия истории; стихийный материализм.

THE DUALITY OF SEA AND LAND IN THE J.G. HERDER'S PHILOSOPHY OF HISTORY

© *E.A. Tyugashev*

Novosibirsk national research state university, Novosibirsk, Russia

Original article submitted: 11.11.22

Revision submitted: 23.12.22

■ For citation: Tyugashev E.A. The duality of sea and land in the J.G. Herder's philosophy of history. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022;4(4):69–76. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.4.7>

Abstract. The duality of sea and land (the continent-ocean dichotomy) is an established principle of the geopolitics. The analysis performed in this study shows that the definition of this duality has its foundation in the J.G. Herder's philosophy of history. J.G. Herder described the Earth as “the jarring of elements, the mutual action of sea and land upon each other”. According to J.G. Herder, the island and continental societies are markedly different throughout every area of society. In his view, these differences are due to the fact that the element of the sea requires mobility, while the element of the land requires immutability. Therefore, states of the corresponding type crystallize in habitats of a certain type.

Keywords: geopolitics; geopolitical dualism; geographical determinism; Gerder; philosophy of history; spontaneous materialism.

В современной геополитике в статусе основного закона геополитики утвердилось представление о фундаментальном геополитическом дуализме Суши и Моря, теллуократий и талассократий, континентальной (евразийской) и океанической (атлантической) цивилизаций [1]. Принято считать, что это представление выдвинуто и обосновано немецкой школой геополитики в конце XIX–начале XX века.

Данное дисциплинарное позиционирование проблемы соотношения континентальных и приморских государств вызывает ряд сомнений. Если в политической науке представление о дуализме Суши и Моря фактически воспринимается как определенная мифологизация, то в геоэкономике и экономической географии континентально-океаническая дихотомия рассматривается как фундаментальный фактор поляризации стран, учитывающий кардинальные различия в транспортных издержках на суше и на море. Известно также, что идея борьбы континентальных и океанических начал в истории человечества формулировалась русским философом Н.Ф. Федоровым [2], едва ли знакомого с работами немецких геополитиков. Это означает, что существовала независимая от немецкой геополитики интеллектуальная традиция, которая придавала большое значение географическому положению. И не удивительно, что у Платона обнаруживается довольно детальное описание недостатков и преимуществ приморского или континентального расположения идеального государства [5].

На основании изложенного можно предположить, что первоначально анализ роли суши и моря в развитии общества осуществлялся в философии. Поэтому обоснованным выглядит рассмотрение современного геополитического дуализма в философско-историческом плане [8]. Между тем не вполне ясно, в каких классических трудах по философии истории обсуждалась данная тема, объективно претендующая на раскрытие «основного закона» истории человечества. Несомненно, между Платоном и немецкой школой геополитики в дисциплинарной области философии истории имеются недостающие звенья интеллектуальной традиции. Цель статьи заключается в характеристике одного из таких недостающих звеньев на материале философии истории И.Г. Гердера [6].

Философия истории может разрабатываться исходя из различных общеполитических позиций, например, материалистических или идеалистических. Философию истории И.Г. Гердера обычно интерпретируют как опирающуюся на воззрения географического детерминизма. Данная интерпретация в историко-философском аспекте терминологически представляется не вполне точной, так как в качестве определяющего основания исторического процесса указывается на географию. Впрочем, очевидно, что при этом подразумевают не географию как науку, а ландшафт, то есть те разнообразные физико-географические объекты, которые ограничивают и направляют развитие общества.

Так, И.Г. Гердер следующим образом характеризует историческое значение отдельных элементов ландшафта: «Моря, горные цепи, реки — естественные, самые естественные границы стран, границы народов, образа жизни, языка, государства; даже когда величайшие перевороты совершались во всем мире людей, горы, моря, реки служили границами, линиями, определявшими течение

всемирной истории. Если бы горные цепи были протянуты иначе, если бы реки текли в ином направлении, если бы иными были очертания побережий, то бесконечно иначе происходило бы и все движение народов на бурлящей сцене истории!» [6, с. 31].

По его справедливой оценке, особенности ландшафта облегчают или затрудняют общение народов, пространственно разделяют их или создают условия для интенсивных взаимодействий. Поэтому географические условия определяют темп и пространственные масштабы локальных исторических процессов.

Но такие объекты, как например, море и суша, должны быть зафиксированы не только в своей эмпирической специфике, но и онтологии конкретного философского учения. Обычно используемую И.Г. Гердером онтологию идентифицируют как натурализм. Историко-философская диагностика философии истории И.Г. Гердера показывает, что ее онтологическим основанием если и является натурализм, то это стихийный натурализм.

Его признаками выступают стихийное миропонимание («стихиология») и выделение в качестве первоначальных стихий отдельных элементов окружающей нас природной среды, в частности земли, воды, огня и воздуха. Так, у И.Г. Гердера мы читаем: «Разве не всем обязаны мы стихиям: и своим собственным существованием, и всем, чем мы владеем, и нашим домом — Землей? И если законы природы не перестали действовать, если стихии периодически пробуждаются и громко требуют назад свое, что принадлежит им, если огонь и вода, если воздух и ветер, населившие нашу Землю, доставившие ей плодородие, не останавливаются в своем беге и разрушают землю...» [6, с. 21].

В динамичной картине хоровода стихий И.Г. Гердер усматривал определенную упорядоченность и существенные взаимосвязи. «Здоровью всего живущего благоприятствует определенное сочетание стихий, без которого решительно все погрузилось бы в дремоту и разложение, — писал он, — это спор стихий, противодействие суши и моря, гор и низменностей, периодически дующих ветров, возникающих вследствие движения земного шара, смены времен года и времен суток и бесчисленных конкретных причин» [6, с. 190]. Он говорил о сочетании и споре стихий, взаимном противодействии и взаимной поддержке. Центральное место здесь занимает, по его мнению, спор суши и моря, а на суше — гор и низменностей. Соответственно этим факторам выстраиваются приоритеты в анализе истории человечества.

И.Г. Гердер придерживался той точки зрения, что земля была определяющей стихией в генезисе человека. Поэтому суша, материк и горы являются для него началом человеческой истории. Расселение древнего человека он представлял как происходившее по горным цепям и долинам рек с последующим выходом к морю [6, с. 30].

Суша также дифференцирована в себе — на горы и низменности. В генезисе человечества И.Г. Гердер отдавал приоритет горному ландшафту. «Одним словом, горы — это и первое местожительство человека на Земле, и кузница переворотов и потрясений, и очаг сохранения человеческой жизни, — писал он. — С гор спускаются бурные потоки, спускаются и народы; в горах бьют ключи, дающие людям воду, в горах просыпается и дух мужества и вольности,

когда равнины уже томятся под бременем законов, искусств, пороков» [6, с. 30]. С различными типами гор он связывал возникновение различных типов хозяйства и этосов, предопределившее дифференциацию особых этапов человеческой истории и особых состояний, в которых находились племена и народы.

В качестве классической суши И.Г. Гердер рассматривал Азию. Остальные континенты, на его взгляд, похожи на архипелаги, имеют «островоподобный» характер, так как население разделено в них морями, горными цепями, пустынями, реками и озерами. Например, он писал: «И, вероятно, потому так полнится Америка небольшими племенами и народностями, что и на юге и на севере она сплошь изрезана реками, озерами, горами, расколота на мелкие и мельчайшие части» [6, с. 32].

Ландшафтная изрезанность приводила, по его мнению, к разъединенности, изолированности племен. А это неблагоприятно для развития культуры, так как препятствовало взаимному обогащению традиций и утверждению общности культуры. В противоположность этому в Азии открыты пути, всякая традиция могла обогащаться другими традициями. В Азии народы «не разделены морями, и все они бурлят и кипят» [6, с. 31], находясь примерно на одной ступени развития.

По оценке И.Г. Гердера островоподобны Африка, Северная и Южная Америка, Европа. Последнюю он характеризовал как многократно почлененную часть света, которая стала ярмаркой народов. Благодаря пересеченности местности и многообразию условий народы «могли и жить вместе и разъединяться, и оказывать свое влияние друг на друга и жить мирно» [6, с. 33].

Огромная плоскость Северной Азии создавала, на его взгляд, особенные условия. Во-первых, это постоянные миграционные потоки, перемешивание народов и смешение традиций. Во-вторых, это чересполосное расселение, когда народы и расходились во все стороны и были вынуждены жить вместе. В-третьих, несмотря на существующие между странами различия в Азии все связано мягкими, незаметными переходами. В-четвертых, это более тесное соседство и совместная жизнь с различными видами животных (по сравнению с островами), что через подражание многообразно упражняло рассудок людей.

Состояния тесного соседства и отсутствие географической изолированности стимулировало, на взгляд И.Г. Гердера, образование деспотических государств. Деспотии возникали, по его мнению, как эффект взаимодействия оседлых и кочевых народов. «Жизнь земледельца необходимо способствовала развитию ремесел и художеств, развитию сел и городов, а потому законов и порядка, но именно вследствие этого открыла путь страшному деспотизму: зная, что каждый человек живет на своей земле, на своем поле, стали в конце концов предписывать всякому, что делать ему с этой землей», — писал он [6, с. 222–223]. Оседлый житель привязан к земле и утрачивает, по И.Г. Гердеру, чувство вольности, движения и силы. «Вот почему происходит так, что на всей земле обитатель шатра, — заключал немецкий философ, — смотрит на обитателя хижины как на связанное по рукам и ногам вьючное животное, как на захиревшего представителя человеческого рода» [6, с. 223].

Типичный континентальный народ характеризуется как замкнутый и ограниченный, не вступающий в общение с другими нациями, следующий одной культурной традиции и утверждающий ее «железными законами». По словам И.Г. Гердера, «на материке пастух оставался пастухом, охотник — охотником, несмотря на все природные дарования и благоприобретенные умения...» [6, с. 372]. Жители глубинных материковых областей живут в застойных деспотических державах «под гнетом однообразных, древних законов твердого материка» [6, с. 372].

Дело деспотизма затруднялось тем, что люди были разделены морями, пустынями, горами, реками, лесами, климатом. Значимы также различия в языках и национальных характерах. Разнородность населения ведет к «хаотическому смешению разных человеческих пород и племен под одним скипетром» [6, с. 265]. Это не естественно сложившиеся государства, а продукт искусства государственного управления. И.Г. Гердер говорит о неестественном росте государства, о непрочности такой государственной машины. Деспотии напоминают ему химер: «голова льва, хвост дракона, крылья орла, лапы медведя — все соединено в одно целое, целое весьма непатриотического свойства» [6, с. 265].

Специфику островных обществ И.Г. Гердер связывает с развитием в них ремесел и торговли. Последняя испытывает, по его мнению, потребность в республике. Государства Финикии и Карфагена он называет торговыми республиками, а их колонии — примером такого покорения народов, от которого была польза [6, с. 356]. Впрочем, это были торговые колонии, и в этих государствах он отмечал отсутствие стремления к завоеваниям. Объяснял он это тем, что «море полагало пределы завоеваниям и укрощало дух завоевателей, из разбойников и поработителей мало-помалу выходили кроткие миротворцы» [6, с. 356].

Более подробно И.Г. Гердер останавливался на характеристике Древней Греции как прибрежного и островного общества. Он указывал на возможность многостороннего и интенсивного культурного обмена, адаптивность и готовность к риску и «такую активную деятельность, которая самой природой была заказана живущим на твердом материке народам» [6, с. 371].

Жители островов и побережий отличаются более свободной культурой, целеустремленной и многообразной многосторонней деятельностью (так как делят свое время между сушей и морем), добиваются целостности и более счастливы. Островные и прибрежные государства, как правило, небольшие и бесконечно разнообразны по нравственной культуре, политическим формам и формам цивилизации. Различия пробуждали дух соревнования и способствовали переселению. Жители таких государств подвижны, смелы и предприимчивы, легко вступают в контакты и союзы, пластичны и адаптивны.

Интенсивность общественной жизни вела к полноценному и ускоренному развитию островных и прибрежных обществ. «Ибо живущие на материке нации или застревали на первоначальных этапах культуры, противоестественно затверживая их в законах и ритуалах, или же, еще не выразив своей сущности, становились жертвами завоевателя: цветок не успел распуститься, а его уже срезала коса», — объяснял И.Г. Гердер [6, с. 408].

Ситуацию континентально-океанической дихотомии он описывал и у немецких народов, ведущих различный образ жизни. На его взгляд, континентальные немецкие народы выглядят однообразными и беспомощными. А морские немецкие народы подобны свежему морскому ветру: они стремительны, храбры и ужасны в опустошениях. «На море, среди неукротимой водной стихии, дух обновляется», — констатировал немецкий философ [6, с. 566].

Среди островных обществ И.Г. Гердер выделял различные их типы. Важным критерием дифференциации было расположение этих обществ на перекрестке морских путей или вдали от них. Японию он описывал фактически как маленький материк: «Япония — это остров, государство, словно древняя Британия, враждебно встречающее любого чужестранца; на своем бурном океане, заключенное между скал, это государство существует как некий мир для себя» [6, с. 331]. Морские культуры Южной Европы ограничились, на его взгляд, масштабами Средиземного моря. «А мореплавателям Севера принадлежал океан и вместе с океаном — целый свет», — оценивал И.Г. Гердер [6, с. 616]. И был в этом утверждении, на наш взгляд, не прав. Ибо именно морские культуры Южной Европы освоили просторы океанов Земли.

В целом представления И.Г. Гердера о специфике островных и материковых обществ в их обусловленности стихиями моря и суши можно систематизировать следующим образом (см. таблицу 1).

Таблица 1

Материковые и островные (и прибрежные) общества (по И.Г. Гердеру)

Параметры общества	Общества материковых стран	Общества островов и побережий
Примеры стран	Венгрия, Германия, Индия, Китай, Польша, Россия, Тибет	Финикия, Крит, Греция, Этрурия, Англия, Нидерланды, Дания; побережья Германии, Италии, Испании, Франции
Труд	Однообразный, с пожизненной специализацией	Перемена деятельности между морем и сушей
Деятельность	Традиционная, застойная	Активная, подвижная и целеустремленная
Общественная жизнь	Застойная, замкнутая и ограниченная	Интенсивная вследствие общения между нациями и обмена идеями
Культура	Стесненная, с большим гнетом	Более свободная
Государства	Большие и деспотические	Маленькие, первые вырабатывающие законодательство
Нравы	Твердые, грубые и суровые	Мягкие и приятные
Народ	Народ «глубинных земель»	Славится на весь мир
Люди	Больше бедных и несчастных	Более счастливые

Согласно И.Г. Гердеру, материковые и островные (и прибрежные) общества существенно различаются во всех сферах общественной жизни. Эти различия обусловлены, по его мнению, тем, что стихия моря требует подвижности,

а материк — неизменности. Поэтому в местообитаниях определенного типа кристаллизуются общества соответствующего типа.

Таким образом, развиваемая в геополитике и геоэкономике идея дуализма Суши и Моря, а точнее — государств и экономик, ориентированных на использование данных пространств, имеет свою предысторию в философии истории И.Г. Гердера. Многие его наблюдения в последующем были поддержаны историками и культурологами. Тему дуализма суши и моря продолжил и развил Г.В.Ф. Гегель, который, как замечает Л.А. Безруков, в рамках анализа географической основы всемирной истории построил типологию регионов мира на основе признаков континентально-приморской дихотомии [4, с. 292]. По-видимому, не только «всякая историография» [7, с. 19], но и всякая эмпирически содержательная философия истории должна исходить из природных основ общественного развития.

Список литературы

1. Абдуразаков Р.А. Основной закон геополитики в современной отечественной учебной литературе // Российский научный журнал. 2015. № 4. С. 80–85.
2. Абдуразаков Р.А. Основной закон геополитики в философском наследии Н.Ф. Федорова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2015. № 3. С. 103–106.
3. Безруков Л.А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2008. 369 с.
4. Безруков Л.А. Концепция глобальной континентально-океанической дихотомии в общественной географии // Вопросы географии. 2019. № 149. С. 287–321.
5. Вахитов Р.Р. Теория идей и континенталистская геополитика у евразийцев и у Платона. Платоновские исследования. Санкт-Петербург, 2014. С. 361–376.
6. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 760 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. Москва: Госполитиздат, 1955. С. 7–544.
8. Шепелев М.А. Планетарный дуализм как миросистемный феномен: философско-исторический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Днепропетровск, 2000. 19 с.

References

1. Abdurazakov RA. Fundamental geopolitical dualism in modern Russian textbooks. *Russian Scientific Journal*. 2015;(4):80–85. (In Russ.)
2. Abdurazakov RA. The main law of geopolitics in the philosophical heritage NF Fedorova. *Intellect. Innovations. Investments*. 2015;(3):103–106. (In Russ.)
3. Bezrukov LA. *Kontinental'no-okeanicheskaya dikhotomiya v mezhdunarodnom i regional'nom razviti*. Novosibirsk: Akademicheskoe izd-vo «Geo», 2008. 369 p. (In Russ.)
4. Bezrukov LA. The concept of global continental-oceanic dichotomy in the human geography. *Voprosy geografii*. 2019;(149):287–321. (In Russ.)
5. Vakhitov RR. *Teoriya idei i kontinentalistskaya geopolitika u evraziitsev i u Platona. Platonovskie issledovaniya*. Saint Petersburg, 2014. P. 361–376. (In Russ.)
6. Gerder IG. *Idei k filosofii istorii chelovechestva*. Moscow, Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2013. 760 p. (In Russ.)
7. Marks K, Ehngel's F. *Nemetskaya ideologiya. Marks K, Ehngel's F. Sochineniya. T. 3*. Moscow: Gospolitizdat, 1955. P. 7–544. (In Russ.)
8. Shepelev MA. *Planetarnyi dualizm kak mirosistemnyi fenomen: filosofsko-istoricheskii analiz [dissertation abstract]*. Dnipropetrovsk, 2000. 19 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Евгений Александрович Тюгашев — доктор философских наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Института философии и права ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет». Новосибирск, Россия. **E-mail:** filosof10@yandex.ru

Information about the author

Evgeny A. Tyugashev — Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia. **E-mail:** filosof10@yandex.ru